

## ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ В РУМЫНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ (1948—1958)

В годы народной власти археологическая деятельность в Румынской Народной Республике приобрела широкий размах. Начались новые археологические раскопки, а там, где таковые производились раньше, они были расширены и развиваются в гораздо более благоприятных условиях, проводятся более организованно и планомерно.

Византиноведов особенно интересуют исследования двух археологических объектов, а именно: раскопки, производимые в местности Гарвэн, на развалинах бывшей римской крепости Диногегия, в северо-западном районе Добруджи и раскопки Истрии, древней милетской колонии, которая продолжала существовать в римско-византийский период.

Результаты археологических раскопок описаны в годичных докладах, которые до 1955 г. печатались в журнале „Исследования по древней истории“, издаваемом Национальным Музеем древностей, а с 1955 г. они печатаются в сборниках „Археологические материалы и исследования“, издаваемых Институтом археологии Академии наук РНР. Началось также издание обширной археологической монографии об Истрии. Первый том этого труда уже вышел из печати<sup>1</sup>. Об Истрии же римско-византийского периода имеется также исследование обобщающего характера академика Ем. Кондураки<sup>2</sup>. Другой монографический труд посвящен Диногегии.

Несмотря на то, что археологические исследования в двух упомянутых районах еще продолжаются, все же в отношении византийского периода уже можно подвести интересные итоги. Так, например, в Диногегии были раскопаны относящиеся к концу III в. или же к началу IV в. остатки римской крепости, в которой были расположены части I легиона Иовия<sup>3</sup>. Пребывание здесь этих частей было установлено благодаря оттискам печатей легиона, сохранившимся на кирпичках, использованных при постройке стен крепости. Византийские монеты, найденные при раскопках, свидетельствуют, что крепость существовала вплоть до VII в. Здесь были найдены следы крупных построек IV в., связанных с военным характером поселения, а также остатки базилики, которая была восстановлена в конце V или же в начале VI в., при Анастасии. В конце V в. были восстановлены также и стены крепости. На одном кирпиче сохранилось имя императора Анастасия.

Следы большого пожара, который уничтожил значительную часть крепости в начале VII в., заставляют нас высказать предположение о ее трагической гибели. Это связано с событиями 602 г. на дунайской границе Византии. Войска, сражавшиеся против аваров, восстали и двинулись к столице. Граница осталась открытой, и это дало возможность аварам проникнуть далеко в глубь Балканского полуострова. Годы анархии во время правления Фоки, войны с персами, продолжавшиеся и при Ираклии, нашествие арабов, все эти обстоятельства сделали невозможным вторичное завоевание Добруджи византийцами. Диногегия была завоевана и разорена аварами, а вся окружающая территория была заселена славянами. О массовом славянском заселении свидетель-

<sup>1</sup> Histria. Monografie arheologică, I. București, 1954.

<sup>2</sup> E. Condurachi. Histria romano-bizantină în lumina ultimelor săpături. — „Monumente și Muzee“, I (1958), p. 21—39; Histria à l'époque du Bas Empire d'après les dernières fouilles archéologiques. Dacia I. 1957 p. 245—263.

<sup>3</sup> Gh. Stefan. La legio I Iovia et la défense de la frontière danubienne au IV<sup>e</sup> siècle de notre ère. — „Nouvelles études d'histoire“. Bucarest, 1955, p. 161—167.

ствуует большое количество славянской керамики, найденной в данном районе.

Как восстановление фортификаций Диногедии в конце V в., так и работы по укреплению Истрии, произведенные в то же время, говорят о том, что Византия придавала особое значение обороне провинции Малой Скифии (*Scythia Minor*). Этим объясняется и тот факт, что проникновение болгар и антов в пределы империи произошло не через Добруджу, а западнее, выше по течению Дуная<sup>4</sup>, хотя кратчайшая дорога из их земель в империю пролегла именно через Добруджу. Кроме того, становятся понятными и военные успехи Виталиана (командовавшего здесь войсками и поднявшего в 514—515 г. мятеж), который располагал значительными силами, именно благодаря особой заботе империи о том, чтобы этот участок ее границ был бы хорошо укреплен и охраняем достаточным количеством войск. Весьма возможно, что многие из военных сооружений, которые Прокопий приписывает в своем панегирике „*De aedificiis*“ Юстиниану, были воздвигнуты еще во время правления Анастасия.

Во время раскопок здесь были найдены весы с надписью, упоминающей имя префекта Геронтия<sup>5</sup>. Стеклоанная гиря с такой же надписью была найдена за несколько лет до этого на месте бывшей крепости Сучидавы<sup>6</sup>. Этот Геронтий был префектом Константинополя около 559—561 гг. Следовательно, и в VI в. меры и гири должны были апробироваться от имени константинопольского префекта, как это для более позднего времени предусмотрено в „Книге Эпарха“. Поскольку весы и гиря с именем префекта Геронтия были найдены на окраине империи, мы можем заключить, что правомочия константинопольского префекта в этом отношении распространялись далеко за пределы столицы.

Археологические исследования не могли установить существования следов человеческого обитания в Диногедии на протяжении VII—X вв. В X в. здесь возобновляется жизнь и появляется многочисленное население. Оно использует стены древней крепости в целях обороны. Однако в это время поселение носит чисто гражданский характер. Оживляется экономическая деятельность. Были обнаружены, например, металлургические и гончарные мастерские<sup>7</sup> и специальные устройства для соления рыбы на экспорт<sup>8</sup>.

Значительное количество византийских монет, начиная от времен правления Иоанна Цимисхия до Алексея Комнина, разнообразие остатков материальной культуры как древнерусского, так и византийского и восточного происхождения свидетельствуют о степени экономического развития этой области. Ее экономическое благосостояние, ее связи с отдаленными областями в значительной мере были обусловлены развитием Киевского государства и тем значением, которое начинает приобретать Добруджа, лежащая на торговом пути между Русью и

<sup>4</sup> В 517 г., например, анты достигли Македонии и Фессалии, но Мезия осталась невредимой.

<sup>5</sup> G. Ștefan. O balanță romană din secolul al VI-lea e. n. descoperită în Dobrogea. — „Studii și cercetări de istorie veche“, I (1950) 2, p. 156—162.

<sup>6</sup> N. Bănescu. Le général byzantin de Sucidava. — „Académie Roumaine, Bulletin de la Section historique“, XXVI (1945), p. 223—224.

<sup>7</sup> I. Barnea. Meșteșugurile în așezarea feudală de la Garvăn (sec. X—XII). — „Studii și cercetări de istorie veche“, VI (1955), p. 99—121.

<sup>8</sup> St. Constantinescu. Pescuitul în bălțile Dunării în lumina săpăturilor arheologice de la Garvăn (sec. X—XII). — „Studii și cercetări de istorie veche“, VII (1956), 3—4, p. 407—419.

Византией. Таким образом, подтверждается свидетельство древнерусской летописи относительно благосостояния городов Добруджи.

Изучение материалов, найденных в Диногетии этого периода, и их происхождения производилось не только в рамках годовых отчетов, но и в специальных очерках, написанных одним из членов коллектива археологов, работающих на этих раскопках, а именно И. Барня<sup>9</sup>.

Это поселение сохранило следы пожара, имевшего место в XI в. Было высказано предположение, что это случилось во время нашествия узов в 1065 г.

Несколько лет тому назад в Диногетии был найден клад, содержащий 106 золотых монет, большинство с изображением Василия II; другой клад, заключающий в себе золотые и серебряные женские украшения и монеты от времени Василия II и до Исаака I Комнина, был обнаружен при раскопках 1954 г. Другие ценные предметы были найдены во время предыдущих раскопок. Все это доказывает, что в Диногетии в XI в. существовал зажиточный слой населения, разбогатевший, надо думать, на торговых операциях.

Все этиклады были зарыты, вероятно, в связи с нашествием узов, опустошивших поселение. После этого нашествия жизнь в поселении возобновилась, но постепенно опять пришла в упадок во время вторжений печенегов и половцев. О пребывании здесь этих степных народов свидетельствуют найденные в Гарвэне принадлежности упряжки, а также легкого оружия, характерного для этих кочевых племен. Вместо жилищ с богатым инвентарем, появляются теперь бедные хижины. Наиболее поздние византийские монеты, найденные здесь в большом количестве, относятся ко времени Алексея Комнина. Эта находка, а равным образом и тот факт, что в верхнем слое была обнаружена в большом количестве керамика славянского происхождения, а также и печать некоего русского архипастыря *πορκενάρχης* (по всей вероятности, киевского митрополита Михаила)<sup>10</sup> подтверждают сообщения древней русской летописи о том, что в 1116 г. Владимир Мономах посылает на Дунай войско, которое занимает города, расположенные как на левом, так и на правом берегу. Исчезновение этого поселения следует отнести к XII в., вероятно, вследствие нашествия половцев.

Греческая колония Истрия была расположена к югу от Диногетии, в восточной части Добруджи, недалеко от черноморского побережья. Археологические раскопки, предпринятые в Истрии, показали, что в IV в. и приблизительно до конца VI в. город переживал эпоху непрерывного роста своего экономического благосостояния. Он значительно расширился, в его северо-западной части появился новый квартал, население возросло, древние стены были реставрированы и, кроме того, воздвигнуты еще новые. В V и VI вв. в городе были построены две новых базилики крупных размеров, улицы и площади были замощены и сооружено много монументальных зданий. В особенности обращают на

<sup>9</sup> I. Barnea. Elemente de cultură materială veche rusească și orientală în așezarea feudală (secolele X—XII) de la Dinogetia (regiunea Galați). — „Studii și referate privind istoria României“, I. București, 1954, p. 195—227; I. Barnea. Relațiile dintre așezarea de la Bisericuța-Garvăn și Bizanț în secolele X—XII. — „Studii și cercetări de istorie veche“, IV (1953), 3—4, p. 641—671; I. Barnea. Amforele feudale de la Dinogetia. — „Studii și cercetări de istorie veche“, V (1954), 3—4, p. 513—530; I. Barnea. Byzance, Kiev et l'Orient sur le Bas Danube du X<sup>e</sup> au XII<sup>e</sup> siècle. — „Nouvelles études d'histoire“. București, 1955, p. 169—180.

<sup>10</sup> I. Barnea. Sigiliul unui ierarh al Rosiei în așezarea de la Garvăn. — „Studii și cercetări de istorie veche“, VII (1956), 1—2, p. 189—198.

себя внимание остатки одного крупного здания, обнаруженного при раскопках 1954 г. Это здание вероятно представляло собой базилику с многочисленными пристройками или же жилище одного из представителей господствующего класса, при котором находилась и базилика. Экономической базой города в IV—V вв. было земледелие. Даже в черте города значительные пространства предназначались для земледелия, что вполне объяснимо, ввиду того что город часто подвергался осаде со стороны кочевых народов. Торговля постепенно приходит в упадок вследствие близости Истрии к византийским границам и соседства с кочевыми, экономически отсталыми народами, находящимися в постоянном конфликте с империей. Монументальные гражданские сооружения свидетельствуют о том, что в Истрии было много крупных землевладельцев, которые пользовались большими доходами даже в новых политических условиях, эксплуатируя крестьянское население в городской округе. В городе было развито ремесленное производство; обнаружены следы разных мастерских VI в. по обработке металлов.

В Истрии ранневизантийского периода были найдены многочисленные монеты времен Юстиниана и Юстина II; однако были найдены и монеты времен Фоки. Вероятно, власть Византии распространялась на Добруджу еще в течение нескольких лет после возмущения войск, расположенных на Дунае, в 602 г. Нам это представляется правдоподобным. Вспомним, что основные районы, из которых авары нападали на империю, находились вблизи Виминация (Браничева); византийские войска, которые сражались там против аваров, восстали и направились к Константинополю. Границы остались незащищенными, и это позволило аварам вторгнуться на Балканский полуостров. Гарнизоны, расположенные в северо-восточной части полуострова, вынуждены были или самостоятельно отражать нападения аваров, а затем и славян, или же, оставшись совершенно изолированными, покинуть эти города. Население, брошенное на произвол судьбы византийскими властями, пыталось защищаться собственными скромными средствами. В Истрии, в частности, оно соорудило три земляных вала и покинуло те части города, которые невозможно было оборонять. Конец существования города надо отнести к VII в. С ним связан, видимо, тот грозный пожар, следы которого сохранились.

Что касается промежутка между VII—X в., то не было найдено никаких материальных следов существования организованной жизни в Истрии. После падения Первого Болгарского царства, вся эта область вновь входит в зону византийского влияния, но, несмотря на это, более тесную связь Истрии с Византией можно проследить лишь в XII в., после побед, одержанных византийцами над половцами.

Найденные здесь византийские монеты относятся ко времени от Иоанна Цимисхия и до Мануила Комнина, а глазированная керамика византийского происхождения — к XII в.: она подобна керамике, найденной в других придунайских местностях в слоях XII—XIII вв.

Новое поселение в Истрии, относящееся к XII в., не имеет непрерывной связи с древней рабовладельческой крепостью<sup>11</sup>, являясь совершенно новым поселением, более скромных размеров, которое появилось в результате непрерывного развития торгового пути, пролежавшего через Добруджу, между Киевом и Византией, в XII в.

<sup>11</sup> G. Preda. Urme de viață la Historia din secolele XII—XIII. — „Studii și cercetări de istorie veche“, V (1954), 3—4, p. 531—538.

Помимо систематических исследований, предпринятых в Истрии и Диогеции, были сделаны разведки (зондажи) и на месте, где находилась прежняя Вилкус Петра (ныне село Камена), а также в районе Слава-Русэ. Здесь была обнаружена керамика VI в., а у Слава-Русэ — следы древней крепости VI в. и монеты времен от Юстиниана и до Маврикия.

Другие розыски были предприняты на месте бывшего дунайского порта Новиодуна, где были найдены монеты времен Иоанна Цимисхия и династии Комнинов (в особенности Алексея Комнина), свинцовая печать времен Исаака II Ангела и несколько монет периода Палеологов. Наконец, в результате разведок, произведенных в селе Никулицел, была обнаружена трехлопастная в плане церковь, самая древняя церковь этого типа на территории РНР (похожая на другую церковь, обнаруженную в селе Плиски). Здесь были найдены также фрагменты славянских надписей XI—XII вв. Раскопки, произведенные в селе Гырлица (Констанцкая область в Добрудже), привели к обнаружению остатков византийской крепости X в., а при раскопках на месте бывшей римской крепости Сучидава найдены остатки крепостных стен IV—VI вв. Таким образом, материалы, обнаруженные во время раскопок последних лет, являются ценным подспорьем к изучению истории Добруджи периода IV—XIII вв. и устанавливают существовавшие некогда связи между этой провинцией, с одной стороны, и Византией, Киевом и болгарским царством, с другой стороны.

После того как И. Барня опубликовал христианские надписи, найденные на территории бывшей римской провинции Малая Скифия, т. е. в Добрудже, с переводом и библиографией<sup>12</sup>, мы можем сделать интересные выводы. Почти три четверти этих надписей — на греческом языке и относятся к периоду начиная с конца III и до VI в. Из 80 личных имен, упоминаемых в надписях, более 30 — греческие. Следовательно, провинция Малая Скифия была более эллинизирована, чем остальные провинции на севере Балканского полуострова. С этим, конечно, связано и то обстоятельство, что во времена Анастасия и Юстиниана Византия особенно заботилась обеспечить оборону этой провинции от вторжения кочевых народов, и таким образом можно понять сравнительное благосостояние некоторых городов Добруджи в V—VI вв., в тот период, когда кризис рабовладельческого общества глубоко потрясал империю. Эллинизация была настолько энергичной, что повлияла даже на соседние племена, пришедшие сюда позже. Надпись IX в., сохранившаяся в Алексиополе, в которой упоминается о Растуслане и ее сыне, будучи несомненно славянского происхождения, написана по-гречески.

Многочисленные клады, содержащие византийские монеты, открытые на территории РНР, были описаны в нескольких нумизматических очерках. В особенности следует отметить статьи О. Илиеску<sup>13</sup> и Иримии Димиана<sup>14</sup>, в которых дана общая характеристика важнейших кладов, состоящих из византийских монет, найденных в Румынии. При исследовании данных, касающихся монетных кладов, обнаруженных в нашей стране, можно сделать весьма интересные выводы. Наиболь-

<sup>12</sup> I. Barnea. Creștinismul în Scythia Minor după inscripții. — „Studii teologice” VI (1954), 1—2, p. 65—112.

<sup>13</sup> O. Iliescu. Despre tezaurile monetare și viața economică în sec. III—XIV pe teritoriul țării noastre. — „Studii”, V (1952), 3, p. 178—185.

<sup>14</sup> Irimia Dimian. Cîteva descoperiri monetare bizantine pe teritoriul R. P. R. — Studii și cercetări de numismatică, I, București, 1957, p. 189—216.

шее количество византийских монет было найдено в Добрудже или же вообще вблизи Дуная вследствие того, что эти области находились в непосредственной связи с Византией. Клады, обнаруженные в отдалении от Дуная, обычно содержат золотые монеты и представляют собой либо дань, которую Византия выплачивала какому-нибудь „варварскому“ вождю, либо следы грабежей, творимых на византийской территории. Так объясняется, например, происхождение клада, найденного в Трансильвании с золотыми монетами от Феодосия до Юстина I и другого клада, найденного в Молдавии (село Долгешть), с монетами времен Василия II.

Большинство византийских монет, найденных на территории РНР, бронзовые, т. е. предназначены для обращения, а не для накопления сокровищ. Значительное количество их относится к временам Анастасия и Юстиниана и соответствует периоду наибольшего влияния Византии на севере Добруджи. Византийские монеты, начиная со второй половины VII и до X в., весьма малочисленны; большинство найденных монет золотой и серебряной чеканки относится ко времени Ираклия и его наследников и несомненно хранилось в сокровищнице „варварских“ вождей. Исчезновение византийских монет со второй половины VII в. объясняется в первую очередь разрывом связей между Византией и Добруджей, а также и придунайскими областями вследствие вторжения славян и образования Первого Болгарского государства. Иримия Димидан констатирует в указанной выше статье, что обращение византийских монет в ту эпоху было крайне ограничено даже и на территориях, которые еще оставались во власти Византии. Он объясняет это экономическим кризисом, которым была охвачена Византия в то время, и конкуренцией арабской монеты. Надо обратить внимание и на большое количество разменной монеты времен Алексея III Ангела, найденное в кладе, обнаруженном вблизи Тузлы (древний Стратонис)<sup>15</sup>. Это доказывает, во-первых, что образование Второго Болгарского царства не привело к разрыву связей между Византией и придунайскими областями, как это случилось в период Первого Болгарского царства, и, во-вторых, что при достигнутой к этому времени стадии развития экономической жизни на территории теперешней РНР чувствовалась необходимость в монете как средстве обращения. Необходимостью наличия достаточного количества монеты, предназначенной для обращения, объясняется и состав клада, найденного в Бальше (Крайовская область), — медные монеты времен Комнинов, разрезанные на четверти. Клад, найденный около Мэчина<sup>16</sup>, и другой — около Исакии (в Добрудже) делают правдоподобным предположение, сделанное несколько лет тому назад, что владычество Византии распространялось в эпоху правления первых Палеологов и на нижнее течение Дуная<sup>17</sup>.

Прочие исследования в области нумизматики посвящены изучению малоизвестных византийских монет или же вносят некоторые поправки в отношении времени их чеканки<sup>18</sup>.

<sup>15</sup> Ileana Băncilă. Note asupra unor tezaure de monede bizantine. — „Studii și cercetări de numismatică“, I, p. 425—438.

<sup>16</sup> Em. Condurachi. Un nou tezaur de monete bizantine. — „Academia R. P. R. Buletin științific“, I (1949), 3—4, p. 163—167.

<sup>17</sup> V. Laurent. La domination byzantine aux bouches du Danube sous Michel VIII Paléologue. — „Revue historique du sud-est européen“, XXII (1945), p. 184—198.

<sup>18</sup> I. Băncilă. Monedele de bronz greșit atribuite lui Constantin al IX-lea. — „Studii și cercetări de bibliologie“, I, București, 1955, p. 305—309; I. Băncilă. O monedă bizantină inedită sau puțin cunoscută. — „Studii și cercetări de numismatică“, I, 417—418.

Большое значение для специалистов будет иметь издающееся по инициативе Академии РНР собрание византийских исторических произведений. Первый том этого собрания — исторический труд Дуки — уже вышел в свет. Это критическое издание, сопровождаемое переводом на румынский язык и обширным комментарием, составленным В. Греку<sup>19</sup>.

Научное использование византийских исторических источников для освещения темных периодов истории РНР помогло в деле исправления искажений в шовинистическом духе, допущенных прежними румынскими буржуазными историками. Так, например, Ал. Греку установил, на основании византийских источников, что в IX—X столетиях в границы болгарского государства были включены и некоторые земли к северу от Дуная<sup>20</sup>. Е. Франчес указал на совершенное сходство между русскими и византийскими источниками в характеристике ряда древнерусских княжеств (сперва Киевского, а затем Галицкого) в придунайских землях в XII в.<sup>21</sup>

Б. Кымпина установил роль, которую играли генуэзцы в устье Дуная в XIII—XV вв., тормозя экономическое и политическое развитие Молдавии.<sup>22</sup>

Попытку объяснить неустойчивость политики румынских князей в течение третьей четверти XIV в., их колебания между православием и католичеством предпринял в одной из своих статей В. Греку. Он считает, что причиной этих колебаний была латинфильская ориентация Иоанна V Палеолога<sup>23</sup>. Однако мы не разделяем этой точки зрения. Гораздо более обоснованно связывать такого рода политику с теми событиями, которые происходили в тот период за западными рубежами нашей страны. Правители из дома Анжу достигают в это время в Венгрии значительного могущества: Людовик являлся одновременно королем Венгрии и Польши и под влиянием сильного соседа румынские князья и делали известные уступки католицизму.

П. С. Настурел попытался объяснить слова „torna, torna, fratre“, которые Феофилакт Симокатта и Феофан приписывают одному византийскому солдату, сражавшемуся с аvaraми<sup>24</sup>. Тот же автор высказывает предположение, что город Вичина, важный придунайский центр, имевший тесную связь с Византией в XI—XIV вв., был не чем иным, как теперешней Исакей<sup>25</sup>.

По случаю 500-летия со дня падения Константинополя В. Греку опубликовал перевод на французский язык не изданного доселе румынского повествования о завоевании Константинополя турками, которое хранилось в рукописи в Библиотеке Академии РНР. Как указывает и

<sup>19</sup> Ducas. *Istoria Turco-Bizantină* (1341—1462). București, 1958. В. Греку опубликовал также румынский перевод Халкокондила и готовит переводы Критовула и Сфрандзи.

<sup>20</sup> A. Grecu. *Bulgaria în nordul Dunării în veacurile al IX—X-lea.* — „Studii și cercetări de istorie medie“, I (1950), p. 223—236.

<sup>21</sup> E. Frances. *Slavii pe pământul patriei noastre în veacul al XII-lea.* „Studii“. VIII (1950), 3, p. 65—80.

<sup>22</sup> B. Cîmpina. *Despre rolul Genovezilor la Gurile Dunării în sec. XIII—XIV.* — „Studii“, VI (1953), 1, p. 191—236; „Studii“, VI (1953), 3, p. 79—120.

<sup>23</sup> V. Grecu. *Bizanțul și catolicismul în trecutul nostru îndepărtat.* „Studii teologice“, II (1950), 9—10, p. 556—568.

<sup>24</sup> P. S. Nasturel. *Torna, torna, fratre. O problemă de istorie și de lingvistică.* — „Studii și cercetări de istorie veche“, VII (1956), 1—2, p. 178—188.

<sup>25</sup> P. S. Nasturel. *Așezarea orașului Vicina și târmul de apus al Marii Negre în lumina unui portulan grec.* — „Studii și cercetări de istorie veche“. VIII (1957), 1—4, p. 295—305.

переводчик, упомянутое повествование фактически является компиляцией, сделанной на основании некоего русского источника<sup>26</sup>.

В связи с этой же датой было опубликовано еще несколько статей. Так, М. Шесан напечатал статью о впечатлении, которое произвело падение Константинополя на православные народы<sup>27</sup>. Довольно подробный общий обзор событий этого периода был сделан Т. Попеску<sup>28</sup>, а Н. Цербанеску исследовал тему об отражении осады Константинополя турками в румынской церковной живописи<sup>29</sup>.

Среди работ по византийской истории, напечатанных в течение последних лет, упомянем и очерки Е. Франчеса. В одной из своих статей он исследует причины, помогшие латинянам, сравнительно немногочисленным, завоевать Константинополь в 1204 г. Автор приходит к заключению, что большую роль в этом сыграли глубокие классовые противоречия, все более и более обострившиеся в среде населения Византии<sup>30</sup>. В другой статье Е. Франчес останавливается на вопросе о взаимоотношениях между византийской феодальной знатью и городами на протяжении XIII—XIV вв.<sup>31</sup> Наконец, тот же автор анализирует особенности положения валахских пастухов в Византийской империи в XIII—XIV вв.<sup>32</sup>

Следует отметить также и ряд исследований в области византийской исторической литературы, опубликованных В. Греку. Обращаем внимание на его очерк о литературном значении византийских исторических сочинений. Стремление создать в первую очередь литературное произведение, как вполне справедливо замечает автор, заставляло многих византийских писателей часто оставлять без надлежащего внимания исторические факты<sup>33</sup>. В другой своей работе В. Греку останавливается на некоторых вопросах, связанных с изучением исторического сочинения Критовула и с изданием этого сочинения Карлом Мюллером<sup>34</sup>. Помимо этого надо упомянуть и о его статье, в которой он обсуждает вопрос о составителе сочинения „О статуях“, приписываемого Никите Хониату, и приходит к заключению, что Хониат действительно является автором этого сочинения. В. Греку считает даже, что „О статуях“ является лишь отрывком большого исторического труда Никиты Хониата<sup>35</sup>. Исследованию сочинений этого историка посвящена еще одна работа В. Греку, в которой он доказывает, что та часть истории Никиты Хониата, в которой излагается царствование Иоанна II и Мануила I Комнина, была подвержена влиянию Киннама<sup>36</sup>.

<sup>26</sup> V. Grecu. La chute de Constantinople dans la littérature populaire roumaine. — BS, XIV (1953), p. 55—85.

<sup>27</sup> M. Șesan. La chute de Constantinople et les peuples orthodoxes. — BS, XIV (1953), p. 271—282.

<sup>28</sup> T. Popescu. Cincisute de ani de la căderea Constantinopolei sub Turci. — „Ortodoxia“, V (1953), 3, p. 381—437.

<sup>29</sup> N. Șerbănescu. Impresurarea Tarigradului ți zugrăveala bisericilor noastre. — „Ortodoxia“, V (1953), 3, p. 438—463.

<sup>30</sup> E. Frances. Sur la conquête de Constantinople par les Latins. — BS, XV (1954), 1, p. 21—24.

<sup>31</sup> E. Frances. La féodalité et les villes byzantines au XIII<sup>e</sup> et au XIV<sup>e</sup> siècles. — BS, XVI (1955), 1, p. 76—96.

<sup>32</sup> E. Frances. Păstori vlăhi din imperiul bizantin în secolele XIII—XIV. — „Studii“, IX (1956), I, p. 139—146.

<sup>33</sup> V. Grecu. La valeur littéraire des œuvres historiques byzantines. — BS, XIII (1952—53), 2, p. 252—270.

<sup>34</sup> V. Grecu. Kritobulos aus Imbros. — BS, XVIII (1957), 1, p. 1—17.

<sup>35</sup> V. Grecu. Autour du De Signis de Nicetas Choniates. — „Revue des études byzantines“, VI (1948), 1, p. 58—66.

<sup>36</sup> V. Grecu. Nicetas Choniates a-t-il connu l'histoire de Jean Cinnamos? — „Revue des études byzantines“, VII (1950), 2, p. 194—204.



Опубликован, кроме того, ряд работ, в которых излагаются вопросы, имеющие более специальный интерес, как, например, проблема взаимоотношений светских византийских властей с церковью<sup>37</sup> или вопрос об отношениях между Византией и папством<sup>38</sup>.

Заканчивая этот краткий обзор развития византиноведения в Румынской Народной Республике за последние десять лет, считаем необходимым упомянуть об издании греческих законодательных сборников, которые применялись в румынских княжествах в период правления фанариотов. До настоящего времени вышли из печати: Кодекс Караджа<sup>39</sup>, Книга правил<sup>40</sup> и Кодекс Каллимаха<sup>41</sup>. Все эти законодательные сборники даются в критических изданиях, снабжены румынскими переводами, с обширными историческими вступлениями и юридическими комментариями. Они будут весьма полезны для исследователей византийского как уголовного, так и гражданского права.

Оценивая общие результаты развития византиноведения в Румынской Народной Республике, не следует упускать из виду, что в течение этого десятилетия главной целью румынских историков была разработка отечественной истории на основе марксистской теории. В настоящее время в этом направлении достигнут ряд крупных успехов, так что в ближайшие годы румынские историки смогут уделять гораздо больше внимания исследованию новых тем, главным образом по истории тех стран, с которыми румынский народ имел наиболее тесные связи в прошлом. Среди этих стран была и Византия. И нет никакого сомнения в том, что целый ряд проектируемых исследований, по некоторым из которых уже началась работа, составит достойный вклад румынских ученых в общую историю Византии и в особенности в историю связей румынского народа с Византией.

*Э. Франчес*

---

<sup>37</sup> L. Gafton. Acte de violență și abuz ale împăraților bizantini față de patriarhi de Constantinopol. — „Studii teologice“, VIII (1956), 7—8, p. 454—469.

<sup>38</sup> L. Stan. Împăratul Justinian, sinodul V ecumenic și papalitatea. — „Studii teologice“, V (1953), 5—6, p. 347—364; L. Gafton. Acte de autoritate imperială în speșii-nul primatului papal în secolele IV—V. — „Studii teologice“, VII (1955), 5—6, p. 324—336.

<sup>39</sup> Legiuirea Caragea. București, 1955.

<sup>40</sup> Pravilniceasca condică. București, 1957.

<sup>41</sup> Codul Calimach. București, 1958.

---